

Понаровская Ирина

10/xii 82

МОСКОВСКИЙ ГОЛКОМОЛЕН

Г. Москва

10 DEK 1987

## «ЗД» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

бы аппаратуру и возможность сделать программу, то было бы другое дело. Но аппаратуру не дают и мало того... Я нашла ансамбль, нашла на Украине. Ансамбль, о котором мечтала. У них есть своя аппаратура и инструменты. Но вызвать их сюда, оформить и работать с ними я не имею права, так как я не могу выбрать себе музыкантов, не могу работать по месту жительства. Грустно. Ведь я не начинающая певица. Неужели за все годы на эстраде не заслужила?

Весной 1985 года меня вызвали в отдел эстрады Министерства культуры СССР и сказали: «Давайте попробуем что-то для вас сделать». Давайте. Я рассказала о своих проблемах, что называется, поплакалась в кулачок. На том и закончилось — на стадии переговоров.

# Фея времени



А в прошлом году меня просто ввели в шоковое состояние. Позвонили снова из отдела эстрады Минкультуры СССР и сказали: «Ирина Витальевна, у нас есть мнение послать вас в Сопот в качестве гостя фестиваля». Так и села у телефона. Отвечаю: «Вы знаете, хорошее мнение. Я бы с удовольствием». «Я вам через двадцать минут перезвоню». И вот до сих пор звонят: ни слышу ни духу.

— Может быть, положение как-то изменится, если у вас появится хороший администратор?

— Что значит хороший администратор? Это человек, который дает тебе заработать хорошие деньги и сам на тебе зарабатывает. Вот это у нас считается хорошим администратором.

— Но помимо денег он же должен пробывать артиста. — Правильно, но таких у нас нет. Певцы сами себя пробивают, как умеют. Администраторы у них — просто бригадиры, которые заполняют бумажки.

К сожалению, не существует у нас должности импресарио. Их нигде не готовят. Администраторов, впрочем, тоже. Это люди, которые закончили самые разные учебные заведения, наши в себе административную жилку и начали работать в филармониях. Потом обычно многие поступают в ГИТИС, заканчивают режиссерское отделение и становятся режиссерами.

АСТРОНОМЫ, открывая звезду, дают ей имя, словно бы узаконивая появление, утверждая факт ее существования. Называют, чтобы отныне не путать с остальными. Выделить, определить.

Шестнадцать лет назад на эстраде вспыхнула «звезда». Имя ей Ирина Понаровская.

Многие тогда заметили ее и восприняли именно как «звезду». А некоторые разглядели даже как «суперзвезду» в будущем.

Для певицы началась полоса удач, когда везение, казалось, просто преследовало. Первая премия на фестивале эстрадной песни в Дрездене, Гран-при на фестивале в Сопоте, участие в постановке первой в нашей стране зонг-оперы «Орфей и Эвридика» (партия Эвридики), первая роль в кино (в детективе «Меня это не касается»), работа в джаз-оркестре Олега Лундстрема. Плюс ко всему этому консерваторское образование (по классу фортепьяно). Внушительно!

Но время шло, а движения вперед такого стремительного, как ожидалось, не было. Да, в 1981 году читатели одной из молодежных газет назвали ее в числе лучших эстрадных певиц года. Но стабильной популярности нет, а отсюда — ощущение случайного попадания в пятерку лучших. Что происходит? Почему композиторы, поэты, дирижеры, с которыми она работала и работает, говорят о ее разностороннем даровании, о ее возможностях («суперзвезда»), а песни в ее исполнении звучат в эфире время от времени, с большими перерывами, диск-гиганта нет, телевизионного музыкального шоу нет (даже маленького концерта из нескольких песен)? Что это? Те, от кого зависела судьба будущей «звезды», разочаровались? Или дорогу ей перешли другие, более везучие?

Но ведь мы всегда ищем таланты. И те шестнадцать лет тоже искали, только, получается, не там? А может, просто находим да благополучно забываем о них, бросаем на произвол судьбы: мол, талант, если он есть, сам в конце концов заявит о себе. Но годы идут, мы забываем прежнее имя, потому что появляются новые. И история повторяется.

Время от времени бросаем клич: ах, молодые, отзовитесь! Кто может оказать достойное соперничество нашим признанным «звездам»? А в ответ только эхо, как в пустом ущелье.

...Еще 16 лет назад Понаровская заявила о себе громко и ярко (в последнее время так не вспыхивают). И вот столько лет работы на эстраде, а результат?.. А в результате слышим: «Не оправдала надежд... Рассчитывали на большее...» Как это просто: сама, дескать, и виновата.

А что, интересно, сама певица думает обо всем этом? Может быть, с ее помощью, на ее примере удастся хоть немного разобраться в проблеме становления эстрадных «звезд». Потому что сейчас, когда Понаровская после перерыва снова приступила к работе и заговорили о «втором дыхании», наверное, стоит попытаться понять, почему же не хватило «первого».

— Ирина Витальевна, давайте вернемся в прошлое, и начну работу на эстраде, когда все, казалось, так удачно складывалось.

— Удачно... Неприятности начинаются тогда, когда человек выходит на определенную орбиту. Когда он ниже этой орбиты популярности, для него в общем-то не существует больших препятствий, потому что он никому не мешает: нет конкуренции, нет каких-то, по мнению начальства, повышенных запросов. Вроде есть исполнитель где-то, а вроде и нет.

— Неужели тогда, после Дрездена, Сопота, не нашлось людей, которые бы поддержали, дали старт?

— Когда я приехала в Москву после Сопота, меня никто даже не встретил. Хотя через девять лет мне посчастливилось вернуть нашей стране Гран-при, высшую награду фестиваля. Из Сопота я позвонила в Госконцерт, сообщила, каким рейсом прилетаю, узнала, в какой гостинице мне забронирован номер. Ведь я ленинградка, и тогда жила в Ленинграде. Прилетела в Шереметьево в 11 вечера. И никого. Так стало обидно. Это сейчас уже я человек опытный, много повидавший, способный отделить мелочи от главного, а тогда... Все было впервые и оттого казалось значительным, многообещающим.

Но когда я приехала в Ленконцерт с этой премией, начальство даже не вызвало, не поздравило. Папа не выдержал, пошел к директору и сказал что-то вроде: «Не поймите так, что это моя дочь и поэтому я чего-то прошу... Но девчонка плачет, вы же ей на корню жизнь погубите». После этого они на вырванном из тетрадки в клеточку двойном листочке написали: «Поздравляем Понаровскую с получением премии. Дирекция». Все.

— Потом вы работали в джаз-оркестре Олега Лундстрема...

— Да. А после долго болела. Лежала в больнице. Потом вышла замуж, родила сына. Опять перерыв в работе.

Сейчас вроде бы я на стадии известности, меня знают, но престижа нет. За десять лет, что живу в Москве, ни разу не выступала здесь с солидным концертом. Почему? Потому что последние годы я работала от провинциальных филармоний. Если бы Москонцерт согласился принять меня с коллективом, который бы я собрала, дал

Я вот свои программы и отдельные песни режиссирую сама, потому что найти хорошего постановщика — это тоже проблема. И сейчас за свои придумки копейки не получаю. Может быть, тоже стоит поступить в ГИТИС? Буду иметь с каждого концерта дополнительно 80 рублей. За режиссуру программ!

Поветрие какое-то: в ГИТИС поступают люди, которым уже за сорок, ради диплома. Смешно. Хотя, может быть, я ханжа или чего-то не понимаю?

Но давно уже поняла другое, что пробивных способностей не имею. И это моя беда. А импресарио — это человек, которому гастролер обязан довериться во всем. И еще есть на Западе одна должность. Помню, давно, в Ленинграде, попала на концерт испанского певца Рафаэля. Зашла за кулисы, меня познакомили с ним, с его импресарио. И еще заметила, вокруг певца крутится какой-то человек: то на часы посмотрит, то на прическу артиста, то на его костюм. Я спрашиваю у переводчицы: «Кто это?» А она мне дословно переводит: «Это секретарь тела». Я решила, что это шутка, но мне говорят: «Нет, это его должность». Оказывается, он следит за тем, что ест «звезда», как спит «звезда», не пора ли подстричься, не пора ли вызвать массажиста. Вот так. А у нас? Да дайте мне такого человека, и я буду его слушаться! Мое дело — выйти и спеть.

— Какой вы видите в идеале свою концертную программу?

— Это должно быть фантастическое, феерическое зрелище. Мне хочется, чтобы это был спектакль. Сейчас ведь песня утратила былые формы, превратилась в «картинку». Певцам понадобились актерские способности. А само зрелище должно ослеплять своей яркостью, нарядностью, музыкальностью. И для этого нужен крепкий тыл из хороших музыкантов, нужен балет, необходим художник, портной и так много еще того, что просто дух захватывает, руки опускаются и думаешь, что это нереально. Прошло то время, когда певец мог выйти к микрофону и спеть, стоя на одном месте. Сейчас надо уметь свободно и красиво двигаться, танцевать. Я когда-то брала уроки у Владимира Шубарина, занималась художественной гимнастикой. Знаю, что должна быть всегда в форме.

— Вам иногда ставят в упрек, что вы до сих пор не нашли своего композитора...

— Замкнуться на одном композиторе и петь только его песни?.. Может, это и выход, не знаю. Был у меня ленинградский период, когда я исполняла песни определенных авторов: Журбина, Мажукова, Кальварского. Потом направление в музыке изменилось, мое исполнительское пристрастие тоже, появилась потребность в других композиторах. Но выбирают-то они. Я могу только либо просить, либо ждать. Хорошо, если повезет и песню, которая нравится, которую хочется исполнить, отдадут тебе. Могут и не тебе. Мне недавно повезло — случайно в поездке познакомилась с Сережей Сарычевым, автором песни «Театр», которую я исполнила в «Утренней почте». И вот сейчас, может быть, буду писать пластинку его песен, во всяком случае он сказал «попробуем». Пою песни композитора Аркадия Укупника: «Новый год», «Игра в четыре руки». Записала для «Утренней почты» его новую песню «Гражданка у окна», смешная очень песня.

Мне кажется, если композитор и поэт напишут специально для определенного певца одну песню, ну две, это ничего не изменит. Лучше, если они создадут единую, цельную программу, которая действительно даст артисту возможность проявить свою индивидуальность.

— У вас есть сценический образ, амплуа?

— Несколько лет назад по телевидению был показан музыкальный фильм «Орех Кракатук», новгородная сказка. И я сыграла роль феи времени. Пожалуй, это и есть мой сценический образ — время. Я живу в музыке, которая находится в постоянном движении. Мне интересно заглянуть в завтрашний день эстрады и вспомнить прошлое, но видеоизменное, в преломлении настоящего. Поэтому такое сценическое амплуа, мне кажется, не может устареть, зрители не смогут к нему привыкнуть. Оно меняется вместе с временем. И я показываю людям музыкальный мир, в котором они живут сейчас, вместе со мной, а могу показать и то, что для них пока ново, не ожиданно, но я это уже смогла почувствовать.

Мне хочется демонстрировать со сцены как можно больше масок, характеров. Я ведь характерная, гротесковая певица. Главное, чтобы было убедительно.

«ЗВЕЗДЫ не гаснут», — говорим мы, подразумевая, что светить — их извечное предназначение, обязанность и награда одновременно. Все правильно, но то небесные светила, а земные «звезды» стареют — устают пробиваться сквозь тучи, доказывать свое право на свет.

Алла ПЕРЕВАЛОВА.

Фото Георгия МОЛИТВИНА.